

НЕКОТОРЫЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ТЕОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Александр Челябинский

Современная наука о международных отношениях стоит перед необходимостью дальнейшего поиска ответа на вопрос, какими будут эти отношения в XXI в. Исследователи дают им противоречивые оценки. Одни видят в современном мире торжество либерально-демократической модели, веря в перспективу глобального мирового порядка, другие — знак надвигающейся угрозы этому порядку, планетарные социологические катастрофы и потенциальную вероятность "схватки цивилизаций". Но все обращают внимание на геополитические аспекты международных отношений.

Меняется конфигурация регионов и межрегиональных пространств. С карты мира исчезают целые государства, появляются новые национальные и региональные центры. Разнобой в определении "что такое геополитика" объясняется, на наш взгляд, тем, что ряд западных исследователей, прежде всего североамериканских, не ставят себе задачу выявления методологических основ, а просто применяют имеющиеся знания для определения расстановки политических сил в мире. З. Бжезинский, профессор международных отношений университета Д. Гопкинса, пишет: "Ни одна существующая система и ни один возможный союз стран не смогут взять на себя роль, которую в настоящее время играют Соединенные Штаты"[1]. Дело, видимо, в том, что геополитика, являясь в основном прикладной наукой, требует обращения к вопросам, относящимся к самым различным сферам человеческой деятельности, начиная с истории и экономики и кончая правом, социологией и т. д.

Распад СССР как геополитическая катастрофа, Косово как плацдарм военного контроля, две войны России в Чечне с целью сохранения целостности и контроля за добычей нефти в Каспии, усиливающееся присутствие ФРГ в Восточной Европе, наконец, состоявшееся расширение НАТО на Восток — только небольшой перечень геополитических проблем. Например, венгерский политолог Г. Молнар отмечает, что, с геополитической точки зрения, расширение НАТО является не маршем глупости, а определением новой восточноевропейской границы Запада и направлено на предотвращение объединения Восточной и Западной Европы в единую геополитическую структуру [2].

К сожалению, эти важнейшие процессы и проблемы не нашли адекватного отражения при разработке концепции национальной безопасности нашего союзника — России, концепции, которая, по мнению российского политолога А. Арбатова, смогла бы органически соединить определенные традиционные интересы, связанные с нашим геополитическим, геостратегическим положением с новой природой российской экономики, идеологии, политического строя, новой природой ее отношений с ближним и дальним зарубежьем [3].

Каждое государство, в разной степени, имеет свои интересы на международной арене. Но исследование политических процессов непосредственно привязано к территории, на которой они протекают, и любое обоб-

щение требует конкретного анализа. Отсюда берут начало региональные направления, т. е. то, что мы называем регионализмом. При анализе определения силы на мировой арене, как правило, учитываются соотношения между политическими субъектами силы, или государствами. Поскольку эти политические единицы определяются территорией и отношения между ними обуславливаются, среди прочего, пространственными отношениями, география играет здесь существенную роль.

Известный английский ученый-географ Х. Маккиндер еще 60 лет назад выдвинул положение о необходимости анализа и прогнозирования всемирного распределения сил, что можно считать большим вкладом современной географии в процесс исследования мировой политической ситуации. Концепция геополитики, разработанная Х. Маккиндером и другими учеными, до сих пор оказывает большое влияние на вопросы исследования проблем Мирового океана, определения национальной мощи и ряд других. Особенно интенсивно разрабатываются на теоретическом уровне региональные направления внешней политики Соединенных Штатов Америки, в частности средиземноморское, ближневосточное, атлантическое, азиатско-тихоокеанское и т. д.

Исследование того или иного региона обычно включает большое количество географических, геостратегических, экономических, социально-политических, военных, демографических и других данных. Все эти разнообразные факторы национальной мощи систематизируются в соответствии с критериями оценки соотношения сил в регионе или мире в целом. В этом и состоит уникальная синтезирующая роль геополитического подхода.

Именно географы первыми провели исследование политических сил с точки зрения пространственных отношений, а также стратегического положения стран и основных районов мира. Идя от географии к политике, они постепенно расширяли понятийный аппарат, необходимый для всесторонней характеристики предмета или объекта международных отношений. Геополитика связана с отношениями между пространственно-географическими единицами — странами, регионами, континентами. Первыми геополитиками были португальцы, испанцы, голландцы. Именно они положили начало формированию международных отношений в их пространственном смысле. Поэтому геополитика тесно связана со степенью освоения человечеством вещественного мира. Полное распределение контроля над территорией породило континентальный глобальный и региональный расклад. Сегодня НТР с каждым своим шагом видоизменяет сами географические факторы существования наций.

Геополитика — наука сравнительно молодая. Шведский ученый Р. Челлен это название употребил в годы Первой мировой войны, чтобы доказать право Германии на войну против других стран и завоевание жизненного пространства. Еще в XIX в. данное выражение использовал немецкий исследователь Ф. Ратцель. Не случайно А. Гитлер в своей книге "Моя борьба", ссылаясь на Чел-

Челябинский Александр Александрович — доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета

лена и Ратцеля, оправдывал экспансию Германии на Восток (*Drang nach Osten*). Попытка нацистов обосновать свою экспансию геополитическими мотивами, по мнению ряда исследователей, на несколько десятилетий подорвала научную репутацию политической географии. Возможно, с тех пор к термину *геополитика* в советской науке относились негативно, так как она (геополитика) призвана доказать "необходимость и естественность" внешнеполитической экспансии империализма.

Не признавая геополитику как науку, СССР, тем не менее, на практике поступал как раз геополитически. Геополитика сегодня значительно шире по смыслу и глубже по содержанию. Она изучает весь спектр внешнеполитических отношений между государствами, поскольку практически всякое политическое решение имеет *пространственное* выражение.

Пространственно-географическая ориентация государства среди ему подобных, исторически сложившийся стиль и методы поведения на международной арене на основании объективно существующих факторов отражают его геополитические приоритеты. Исходя из своего географического положения государство определяло свою политику в мире. Так формировалась, например, морская ориентация Великобритании (постоянное наличие мощного флота и колониальных владений). Островное положение создавало возможность балансирования, когда, не вмешиваясь непосредственно в европейский конфликт, страна могла определять его исход: "У Англии нет ни постоянных врагов, ни постоянных друзей. У Англии есть постоянные английские интересы".

США с момента своего образования исходили в проведении внешней политики из особенностей своего географического положения и его преимущества. Удаленность от Евразии позволила им развиваться относительно самостоятельно, быстро и эффективно, избегая разрушений, войн, борьбы за передел мира. Наличие огромного океанического пространства определило преимущественное развитие военно-морского флота. Поэтому нет ничего удивительного в том, что основу военной мощи составляют атомные подводные лодки, в то время как самая большая сухопутная страна — прежде СССР, а затем Россия — занята созданием наземных ракетных систем. Деление стран на морские и сухопутные сохраняется до сих пор и влияет на их экономическое развитие.

Сравнивая, например, страны Балтии и Беларусь, можно прийти к выводу о преимуществах первых над второй. Х. Энрикес, сотрудник Центра Д. Рокфеллера при Гарвардском университете, делает спорный вывод о том, что большие по размеру страны явно не преуспевают. Бразилия, Китай, Индия и Индонезия, где живет почти половина населения мира, не стали развитыми. То же можно сказать и о России (с земельным пространством, большим, чем у Бельгии, в 562 раза, она экспортирует наполовину меньше Бельгии) [4].

Современная эпоха вносит много нового в понятие геополитики. Но по-прежнему не сходит с повестки дня вопрос о расширении влияния стран на экономическую, военную и политическую сферы. Американский политик П. Бьюкенен в своей книге "Республика не империя" говорит о противостоянии трех направлений, трех внешнеполитических школ в США: "глобалистской", "гегемонистской" и "просвещенного национализма".

Сегодня мир сталкивается с важностью геостратегического и геоэкономического положения госу-

дарств. Во внешней политике это проявляется во всем, начиная с учета последствий косовской драмы в Югославии и кончая созданием союзного государства России и Беларуси.

Геополитика лежит на стыке многих наук и сам этот термин в качестве научного определения не всегда отражает многоплановость и сложность изучаемых ею явлений. Поэтому можно, на наш взгляд, использовать термин "системное исследование международных процессов". Если же взять старую терминологию, то геополитика сегодня — это *совокупность нового понимания как теории, так и практики внешней политики государств, основанного на взаимоувязывании географического фактора, национальных интересов, политических и экономических ресурсов*.

В геополитике важнейшим элементом выступает государственный интерес. Эта категория представляется пока основной в понятийном аппарате международных отношений, но в конце XX—начале XXI в. наука сталкивается с необходимостью выработки некоторых новых критериев оценки данного понятия. Почему? Традиционная трактовка государственного интереса хорошо известна: существование нации в качестве свободного и независимого государства, рост экономики, предотвращение угрозы, сохранение союзников. Геополитически прежний порядок был установлен как итог Второй мировой войны, подтвержденный Заключительным актом Хельсинки 1975 г. Идеологически он основывался на признании многообразия мира и цивилизаций со своими критериями зла и добра. Правда, право субъектов в рамках биполярной системы жестко контролировалось. Кофи Аннан, Генеральный секретарь ООН, пишет: "На протяжении большей части двадцатого столетия система международных отношений была основана на разделительных мнениях и жестком геополитическом расчете. В грядущем веке мы можем и должны улучшить эту систему" [5].

Сегодня эта проблема приобретает более широкий и сложный характер. В политическую лексику вошли такие термины, как "права человека выше прав государства", "ограниченный суверенитет", "гуманитарная катастрофа", "гуманитарная интервенция" и т. д. В таких условиях надо ответить на вопрос: как все это отражается на геополитических интересах государства?

Если попытаться объективно определить государственный интерес, то скорее всего это будет связано с ограничением, пусть даже вынужденным, собственных потребностей или амбиций. Как отмечает российский исследователь В. Б. Кувалдин, "государства вынуждены выстраиваться в сложные региональные и глобальные системы отношений, естественно, стремясь занять места получше" [6]. Если предположить, что политика баланса интересов будет широко воплощаться в жизнь, то государства неизбежно придут к тому, что взаимоувязывание государственных интересов потребует их определенной корректировки в сторону ограничения. Решить задачу определения наиболее адекватной корреляции национальных потребностей и возможностей поможет введение в современный политический словарь понятия "объективно оцененный государственный интерес". Если представить, что именно такой интерес будет лежать в основе внешней политики государства и его геополитических устремлений, возникнет необходимость изменения и самой сути геополитики, в основе которой лежит государственный интерес.

При построении международных отношений в XXI в. должны быть изменены основы формирования и осуществления внешней политики. Путем приведения приоритетов государственного интереса в соответствие с интересами и целями других государств образуется мир, основанный на сотрудничестве, взаимопонимании и взаиморазвитии. В своем новом качестве геополитика может стать главным инструментом и философской базой политической жизни, поскольку она представляет собой квинтэссенцию того неизменного, что существует объективно, т. е., с одной стороны, пространственно-географического фактора, а с другой — такого постоянно меняющегося фактора, как внешняя политика государства и все ее составляющие.

Вышеизложенные приоритеты во внешней политике желательнее было бы осуществлять сознательно, по доброй воле. Почему? Определение целей, средств и методов государственного интереса в своей совокупности зависит от носителей власти — многочисленных участников процесса принятия решений. Любое изменение в приоритетах наряду с учетом объективных факторов зависит в конечном итоге и от субъективных. В прогнозируемой политической ситуации они могут играть даже более важную роль, поскольку создание нового приоритета в международных отношениях требует сознательного изменения последних, ответственного участия в процессе формирования мирового консенсуса.

Суть современной геополитики сводится к тому, что страны перестанут быть задействованы в "мудреные силовые и геополитические комбинации", как это имеет место сегодня. Появление таких терминов, как "сфера влияния", "дуга нестабильности", создание треугольных и четырехугольных комбинаций в духе Г. Киссинджера и З. Бжезинского связано именно с традиционным геополитическим видением мира. Этот тезис отчетливо просматривается и в концепции НАТО по поддержанию мира. Из пропагандистского справочника "НАТО" явствует, что роль данной организации в решении проблем мира сводится к нанесению воздушных ударов и проведению морских операций [7]. Пока существуют государства, они неизбежно будут вступать в отношения друг с другом, всегда будет присутствовать определенная геополитическая вовлеченность, однако ее характер может быть совершенно иным, основанным на гуманистических принципах и балансе интересов.

Поэтому спорным представляется тезис о том, что традиционные геополитические параметры, например географическая удаленность, играют все меньшую роль. Конечно, прошло время географической неуязвимости, но территориальное расположение государств, с чем связан вопрос границ, их протяженность и т. д., имеет и сейчас большое значение. Например, район Средиземноморья считался и считается важным из-за нахождения здесь многих государств и стратегических путей, из-за чего, собственно, и происходит борьба за влияние в этом регионе. А принятие Австрией после Второй мировой войны статуса нейтралитета во многом объяснялось именно ее геостратегическим положением.

Новое, современное направление в геополитике связано с применением понятийного аппарата различных концепций, относящихся к области социальной психологии. Здесь географическая среда выступает уже в несколько иной роли, а сущность внешней политики связывается с субъективными представлениями политических деятелей и ученых о мире.

В социально-психологическом исследовании геополитики различают экзистенциалистскую, бихевиористскую и другие трактовки. Первая из них делает акцент на "чувстве территории" у людей. Отсюда логически вытекает: чувство "объединенной Европы" — у европейцев, "глобальное мышление" — у американцев, чувство "родной земли" — у евреев. Вторая трактовка связана с анализом побуждений политического лидера, основанных на его субъективном подходе к географическим детерминантам. Безусловно, каждая из этих трактовок имеет право на существование, в каждой из них есть доля истины.

В последнее время в понятийном аппарате американской геополитики используют термины "региональные общности" (например, *тихоокеанская*, куда входят США, Япония, Австралия, страны АСЕАН, или *южноатлантическая* — в составе государств данного региона), а также упоминавшиеся уже "ограниченный суверенитет", "гуманитарная интервенция" и т. д.

Как представляется, появление новых терминов означает не поиск истины для формирования новой конфигурации международных отношений, а стремление по-новому переделать мир. Идея "гуманитарной интервенции", высказанная в 1992 г. двумя голландскими неправительственными организациями, в тот период не получила поддержки в ООН. Да и кто будет решать, оправдана интервенция или нет? Сама интервенция? Российский исследователь международного права С. В. Черниченко справедливо отметил, что с правонарушениями с помощью правонарушений не борются: "Зачем это называть "гуманитарной интервенцией"? Термин "интервенция" имеет ярко выраженную негативную окраску. Говорить о "гуманитарной интервенции", санкционированной Советом Безопасности ООН, так же нелепо, как говорить, например, о "гуманитарной резне" или "гуманитарном побище". Если бы Совет Безопасности принял решение о применении вооруженной силы для предотвращения или прекращения нарушений прав человека, ее применение можно было бы назвать превентивными или принудительными мерами (действиями) — статьи 5, 42, 50 Устава ООН" [8]. В противном случае международное публичное право, в котором субъектом является государство, становится факультетом ненужных профессий. Выходит, любое государство обязано проводить проамериканскую политику во всем и не препятствовать геополитическим планам овладения миром, иначе его демократия будет немедленно объявлена ненастоящей, а само государство фашистским. В этой связи можно согласиться с мнением российского историка Н. А. Нарочницкой: "Как и сто лет назад, Западу мешает существование достаточно сильного и самостоятельного славянского православного государства (Сербии. — А. Ч.) вне их политического контроля, ибо государство при его скромной величине меняет соотношение сил в Европе" [9]. Проблема в том, что в настоящее время противостоят две тенденции на уровне как государств, так и регионов. С одной стороны, мир сталкивается с ростом сепаратизма и национализма, борьбой против проникновения чужой массовой культуры, со стремлением сохранить самобытность и исторические корни, с другой — глобализация, или транснационализация, с ее экономическим детерминизмом неумолимо ведет к размыванию границ, к максимальному облегчению передвижения людей и их общения.

Геополитика существует не сама по себе. Она реализует себя через соответствующие пространственные виды, или поля.

Первым из них является *эндемическое* поле. Эндемия (греч. нация, этнос) — это пространство, которое сложилось исторически и контролируется национальной общностью при помощи государства длительное время. Другие государства и этносы рассматривают его как несомненно принадлежащее данной общности. Например, польское эндемическое поле, белорусское, французское, китайское, канадское и т. д. Но эндемическое поле не совпадает с государственным, не имеет четких границ и перетекает в другие разновидности геополитических полей.

Вторым полем является *пограничное* — пространство, находящееся под контролем национальной общности и государства, однако не освоенное ими (демографически, экономически, коммуникационно) в достаточной степени, чтобы слиться с эндемическим полем, являющимся сердцевинной государства. Поэтому право контроля над этим полем может оспариваться национальными меньшинствами, живущими на данной территории. При этом сопредельные государства не имеют исторических претензий на пограничное поле. Между тем слабый контроль национальной общности над пограничным полем может вызвать желание других государств распространить свой контроль на него в той или иной форме. Классическим примером могут служить отношения США и Мексики в середине XIX в., когда 40 % территории Мексики оказалось под контролем США, или продажа Аляски тем же США Россией, не имевшей возможности контролировать свое поле.

Перекрестное поле — пространство, на которое претендуют два и более государства. Оно также не освоено национальной общностью в достаточной степени, чтобы слиться с эндемическим, но отличается от пограничного поля тем, что может находиться не на периферии национальной общности, а внутри другого эндемического поля. Классическим примером такого поля является Нагорный Карабах, окруженный азербайджанской эндемической территорией. Проблема данного поля возникает тогда, когда у другого государства имеются исторические права на такое поле по принадлежности этнической или религиозной (например, Эльзас и Лотарингия, которые все время переходили от Франции к Германии и обратно).

Тотальное поле — это непрерывное пространство, находящееся под контролем одного государства. Для СССР, в частности, таким полем была Евразия, куда входили страны Организации Варшавского Договора (ОВД), Монголия, Афганистан (1979—1988). XX век породил особый вид геополя — *мегаполе* — пространство, осваиваемое совместно несколькими государствами. Примером являются Европейский союз (ЕС), НАФТА (Канада — США — Мексика), АСЕАН (страны Юго-Восточной Азии и Япония).

В геополитике используется и понятие *опорной точки*. Это небольшое пространство, находящееся в значительном удалении от контролирующего государства, в связи с чем контроль ослаблен. Например, во время агрессии США против стран Индокитая Вьетнам, Лаос, Кампучия попали в советскую сферу влияния, но они находились в пространстве, коммуникации к которому СССР не мог контролировать. СССР приходилось мириться с тем, что его контроль над странами Индокитая ограничен. Режимы там были более автономны в

своем поведении. КНР имела лучшие шансы для усиления своего влияния, однако это случилось только в отношении Кампучии. Классическим примером опорной точки служит Куба. Во время Карибского кризиса 1962 г. СССР попытался освоить Кубу, но отсутствие контроля над коммуникациями, ведущими к Кубе, не дало возможности реализовать этот план. США, напротив, распространили свое тотальное поле на Карибский бассейн и могли противостоять СССР, что и произошло в морской блокаде страны.

Что касается форм контроля над геополитическим пространством, то их несколько. *Политический* контроль обычно опирается на ту или иную политическую инфраструктуру — партийную, государственную, административно-договорную. Например, в 1949—1953 гг. СССР осуществлял не прямой политический контроль над КНР как через договорные механизмы, так и через делегирование власти в Китае лидерами КПК, особенно промосковской группе Лю Шаоци и Гао Гана.

Военный контроль — это контроль военными средствами. В годы "холодной войны" СССР и США контролировали все геополитическое пространство. Любая территория земного шара могла быть уничтожена в результате ядерного удара. Традиционный контроль и сегодня продолжает иметь место. США контролируют Западную Европу. Операция против Сербии также ставила своей целью контроль над геополитической осью Запад — Малая Азия. Приглашение в НАТО Польши, Венгрии и Чехии преследовало ту же цель. Решение косовской проблемы обеспечило выполнение сразу нескольких геополитических и военно-стратегических задач: контроль над Россией и ее потенциальным союзником; давление на Украину; косвенный дополнительный контроль над устьем Дуная и проливами, над направлением новообразующихся нефтегазовых путей Каспийского бассейна, т. е. над торговыми, сырьевыми и военно-стратегическими коммуникациями Европы и Малой Азии, над их направлением в Азию в обход России; приближение к Персидскому заливу, Ближнему Востоку и стратегическому союзнику — Израилю. Ось Анкара — Тель-Авив — США одним концом опирается в Балканы, другим — тянется через усиленные связи Турции с Баку на Кавказ. Вот почему действия России в Чечне вызывают негативную реакцию на Западе.

Экономический контроль не носит тотального характера, и на любом пространстве существуют зоны и ниши, на которые этот контроль не распространяется. Сегодня субъекты экономических отношений уходят из-под контроля государства и ориентируются на мировое сообщество. Это создает определенную угрозу экономической безопасности. Так, например, федерализация России и превращение ранее безгосударственных этносов в квазигосударственные образования привели к тому, что кавказская и каспийская нефть, принадлежавшая в прошлом веке христианам-армянам Мангашевым и Лионозовым, после распада СССР к концу XX в. оказалась под контролем тюрко-исламских республик (Азербайджан, Чечня).

Цивилизованный контроль. Каждая страна или общество пытаются усилить именно эту форму контроля. Исторически сложилось, что Россия в значительной мере контролирует большую часть Украины и Беларуси. Китай пытается укрепить свой контроль над Синьдзяном, Тибетом, Внутренней и Внешней Монголией. ФРГ имеет свои опорные точки в странах Восточной Европы и т. д.

Коммуникационный контроль. Этот вид контроля в каждой стране имеет свои особенности. Например, Россия до сих пор осуществляет слабый контроль над Дальним Востоком, и это влияет на политическую и экономическую ситуацию в регионе.

Демографический контроль используется в тех случаях, когда другие формы контроля пока не сложились или дают небольшой эффект. Обычно к нему прибегают в тех случаях, когда в соседних странах с малочисленным коренным населением складывается неблагоприятная демографическая ситуация. Политика КНР в этом направлении является наиболее выразительной. Страны Запада, поддерживая албанских сепаратистов в Косово, создают для себя в будущем неблагоприятный демографический и идеологический фактор. Массы озлобленных и не привыкших к какой-либо значимой хозяйствен-

ной деятельности албанцев очень быстро пополняют ряды европейского наркобизнеса и преступности.

Последний вид контроля — *информационный*, в котором страны Запада обладают сегодня явным преимуществом. На их долю приходится 80 % мировой информации, и они используют ее для укрепления остальных видов контроля.

Необходимо отметить, что жесткой схемы геополитических полей и форм контроля не существует. Они могут плавно переходить друг в друга, делая международные отношения при этом более сложными.

Таким образом, геополитика в современных условиях является важнейшим направлением мировой политики и международных отношений, которое Республика Беларусь должна учитывать при выработке своей стратегии в области внешней политики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бжезинский З. Соединенные Штаты превыше всего // Независимая газета. 1999. 24 ноября.
2. Monlack G. The Geopolitics of NATO Enlargement // International dialogue. 1999. № 1. P. 39.
3. Арбатов А. Безопасность для России и Запада // Мировая экономика и международные отношения. 1999. № 9. С. 5.
4. Энрикес Х. Слишком много флагов // Компас. 1999. № 50. С. 78.
5. Аннан К. Обновление на переходном этапе. Нью-Йорк: ООН, 1997.
6. Кувалдин В. Югославский кризис и внешнеполитическая стратегия России // Мировая экономика и международные отношения. 1999. № 9. С. 24.
7. НАТО: Справочник. Брюссель, 1995. С. 57—60.
8. Черниченко С. Операция НАТО в Югославии и международное право // Международная жизнь. 1999. № 11. С. 108—109.
9. Нарочницкая Н. А. Избежать нового передела мира // Международная жизнь. 1999. № 4. С. 10.
10. Розанов А. Беларусь: векторы внешней политики. М.: Центр Карнеги. Рабочие тетради. 1999. № 4.
11. Челядинский А. Проблемы формирования новой парадигмы международных отношений // Белорусский журнал международного права и международных отношений. 2000. № 2. С. 68—73.

SUMMARY

"Some Geopolitical Aspects of the Theory of International Relations" (Alexandr Chelyadinsky)

The article attempts to determine the correlation of geopolitics and international relations in modern world, to reveal the main interests of states in the realm of foreign policy through geopolitical fields and points. The fundamental forms of monitoring are analyzed here at the example some particular cases.